

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТОПОГРАФИЯ БЕЛАРУСИ: СОЛИДАРНОСТЬ, СООБЩЕСТВА, УНИВЕРСИТЕТ

Ольга Шпарага

...и Цинциннат пошел среди тыли, и падших вещей, и трепетавших полотен, направляясь в ту сторону, где, судя по голосам, стояли существа, подобные ему.

В. Набоков

Один из вопросов, неустанно возникающих в поле обсуждения закрытия ЕГУ, — это вопрос о *солидарности*, едва ли проявленной внутри Беларуси по отношению к студентам и преподавателям нашего вуза. Отчасти, в кулуарах и разного рода публикациях в газетах и интернете, диагноз «непроявленной солидарности» был поставлен верно: причиной явилось, с одной стороны, неудовлетворительное самопозиционирование ЕГУ в Беларуси, с другой — проблемы с солидарностью и взаимопомощью в республике в целом. В этой связи в статье будет сделана попытка обоснования необходимости политической топографии Беларуси с опорой на понятие солидарности.

Под *политической топографией* я понимаю работу по осмыслению условий, при которых политика в Беларуси сможет вообще возникнуть, поскольку на сегодняшний день можно констатировать ее вытеснение приватной волей к власти одного человека. Здесь и возникает еще одно понятие из названия статьи — понятие *сообществ*: политика как публичное действие напрямую связана с формированием сообществ, автономия и открытое самоопределение которых друг по отношению к другу позволяют вырабатывать критерии публичной жизни.

Университет, в этом смысле, является одним из такого рода сообществ; иначе говоря, он должен быть автономным и открытым в своем устройстве для участников. Это, в свою очередь, означает, что свободными должны быть сами организаторы сообществ, и в частности университета; свободными, прежде всего, в организации и содержательном наполнении своего труда, который только в таком случае становится осмысленным.

Центральными для моих размышлений будут следующие три блока идей.

1. Солидарность — это наша чувствительность к боли и унижению других, незнакомых нам людей¹. Это близость к

страдающему, братство с человеком, испытывающим боль по вине другого человека².

2. Если мы испытываем солидарность, то другие люди начинают мыслиться нами как «одни из нас», «где “мы” означает нечто меньшее и более локальное, чем человеческая раса»³. Тем самым утверждается, а вернее — выходит на свет «человеческая множественность», или тот факт, что человеческая жизнь — это «пребывание среди людей»⁴, как и то, что именно *политика* со времен появления этого понятия у древних греков была способом организации человеческого пространства таким образом, чтобы один человек не причинял страданий другому человеку.

3. Возможность политики базируется прежде всего на способности к поступку или действию, напрямую коррелирующими с речью и диалогом. Поступок здесь — это разновидность деятельности, которая «служит учреждению и поддержанию политического общегития, готовит условия для преемственности поколений, для памяти и тем самым для истории»⁵. Это «общительное соучастие в словах и делах», принявшее в древней Греции облик полиса, сегодня получило название *сообщества* — актуализации человеческого бытия-вместе как свободного осуществления себя перед лицом другого⁶. Задачей в таком случае является именно создание условий для *свободного осуществления каждого перед лицом каждого другого*, а не, скажем, общее благо или счастливое общество.

Университет и выступает одним из важнейших инвариантов такого осуществления, иначе говоря, политической жизни в том смысле, который нацелен на преодоление страдания, причиняемого людьми друг другу. Университет — это *определенное пространство свободы*, и одна из его центральных задач — трансляция опыта свободы самореализации, выбора профессии, отстаивания профессионализма⁷. Если такая свобода поставлена под вопрос, то под вопрос ставится само существование университета; если же такая ценность вообще не принимается университетом во внимание — университет вряд ли достоин звания университета.⁸

1. К понятию солидарности:

достоинство человека ввиду обесмысливания труда

Остановимся на некоторых, важных для нас, чертах солидарности, выделяемых польским философом Ю. Тишнером (1931–2000). Эти черты будут сгруппированы вокруг двух следующих понятий: достоинство человека и моральная эксплуатация труда.

Начнем, вслед за Тишнером, с того, что солидарность является выражением доброй воли человека, солидарного с другим человеком постольку, поскольку он человек. Однако, что означает это «поскольку человек является человеком»? Расшифровать этот тезис вместе с Тишнером можно следующим образом.

Во-первых, человек живет среди других людей, и «мы связаны друг с другом даже тогда, когда ничего об этом не знаем»⁹. Иначе говоря, Тишнер исходит из факта сосуществования людей друг с другом и соли-

дарности как всегда возможной формы выражения этого сосуществования. Более конкретно философ определяет эту форму через способность и готовность одного человека взять на себя бремя другого человека.

Во-вторых, солидарность невозможно навязать: она возникает сама собой, по велению сердца. В этом смысле она и является выражением *доброй воли* человека: «В своей основе, — пишет Тишнер, — все мы солидарны, поскольку являемся людьми доброй воли»¹⁰. При этом солидарность не только вырастает из доброй воли, но и пробуждает добрую волю. Она, далее, не нуждается для укрепления во врагах или противниках, «она обращается ко всем, а не против кого-то». Ее основа и источник — то, о чем идет речь в жизни каждого человека. Иначе говоря, *она выражает стремление людей друг к другу не в силу страха или отчаяния, а в силу надежды на преодоление страха и возможности реализации свободы*.

В таком случае добрая воля находит свое выражение в *достоинстве человека*, которое, в свою очередь, базируется на *совести*. Здесь-то и начинается второе измерение постановки вопроса о солидарности, поскольку человеческое достоинство и совесть являются ее коррелятами, к которым, однако, еще необходимо прийти.

Итак, хотя Тишнер исходит из того, что человек одарен совестью и что совесть — это естественный этический импульс человека, философ отмечает, что человек может как слушать голос своей совести, так и игнорировать его. Тем более что этот голос сам призывает к тому, *чтобы человек обрел совесть*.

Таково парадоксальное определение совести, которое, однако, позволяет увидеть амбивалентность и такого феномена, как солидарность. Сам Тишнер называет эту амбивалентность *риском*, с которым связывает и существо человеческой морали. Ключевая формулировка звучит тогда следующим образом: «Человек, который ошибается и все же хоть немного имеет совесть, когда-нибудь обязательно осознает свою ошибку и сможет измениться»¹¹. Изменение же, которое не сопровождается диалогом с совестью, есть изменение в силу внешних обстоятельств, к которым человек приспосабливается.

Возвращаясь к теме солидарности: не имея совести, говорит Тишнер, человек не может проявить солидарности с другим человеком. Иными словами, не всякое «мы» является солидарностью. Солидарность — это связь «мы», в основу которой положена совесть, иначе говоря, способность признать другого человека и считаться с ним. А это, в свою очередь, означает возможность положиться на человека. Совесть и выражает способность человека не подвести и не разочаровать. Однако для самой совести необходимо одно: *желание иметь совесть*. «Совесть имеют, прежде всего, те, кто хочет ее иметь. Что звучит трагически, так как обнаруживает, что человек имеет возможность разрушить в себе то, что свидетельствует о его человечности»¹².

Несмотря на это, совесть способна и расти и созреть, и, более того, что особенно важно для нас, совесть одного способна пробудить совесть в другом. Здесь мы касаемся особенно важного для нас момента: условия пробуждения совести как коррелята солидарности. Для

совести, пишет Тишнер, нужно определенное время и определенное место, иначе говоря – определенная ситуация. Эта ситуация – *ситуация крика о помощи*. При этом боль кричащего человека имеет особый характер: к ней привели не природные катаклизмы и не случайное стечение обстоятельств, эта боль умышленно причинена и причиняется одному человеку другим человеком. И именно политика, полагает Тишнер, должна реагировать на эту ситуацию, поскольку ее главной задачей является «организация человеческого пространства таким образом, чтобы один человек не причинял страдания другому человеку»¹³.

Итак, крик о помощи человека, которому другой человек причинил страдание, должен пробудить нашу совесть. На ее основе возникает солидарность как новая возможность защитить того человека, который нуждается в защите. Таким образом, согласно Тишнеру, рождается *сообщество*: на первом месте в нем находится не «мы», а «для того», кто испытывает страдание, иначе говоря, совесть и готовность оказать поддержку.

Однако, как действительно *услышать* крик другого человека, тем более когда ты сам в беде, пусть в данный момент и не такой отчаянной? Для этого, пишет Тишнер, необходимо покинуть свои укрытия, приблизиться друг к другу и протянуть друг другу руки. Уже самый первый шаг – выход из своего укрытия – является первым шагом к солидарности и огромным событием. Он означает создание нового пространства встречи, которое отличается от пространства укрытия или пространства *страха*. Преодоление страха должно сопровождаться волей к нахождению нового языка, слова которого имели бы одинаковый смысл для обеих сторон. Этот язык не должен быть ни языком какой-то одной группы, ни языком подчинения, ни языком дискредитации или осуждения. «Да» в нем должно означать именно «да», а «нет» – «нет».

В таком случае, делает вывод Тишнер, солидарность есть *солидарность диалога*, отвечающего следующим условиям.

1. Способность встать на позицию другого. Эта предпосылка принципиальна для того, кто покинул или хотел бы покинуть свое укрытие страха, поскольку она означает, что он будет услышан. Иначе говоря, признается, что и другой с его точкой зрения в чем-то прав: «*так как никто не забирается в свое укрытие добровольно; у всякого есть на это свое основание*»¹⁴. И это основание должно быть признано. Вслед за этим признанием: «безусловно, в чем-то ты прав» – рождается и второй момент солидарности-диалога: «а я, без сомнения, в чем-то не прав». Тем самым обе стороны диалога выходят за свои пределы и нацеливаются на общую для рассмотрения данного положения дел точку зрения. «Когда я становлюсь участником диалога, то только благодаря этому я готов к тому, чтобы сделать личную истину другого частью моей истины о нем, а истину обо мне – частью его истины»¹⁵.

2. Главной темой диалога должно быть *страдание*, которое причиняется одним человеком другому. Ненужное страдание, причиняемое рукой ближнего, особенно возмутительно и совершенно спонтанно вызывает протест человека доброй воли. Однако Тишнер говорит об этом

страдании и более конкретно. Речь идет о страдании трудящегося человека — насколько труд является важнейшим способом реализации самого бытия человека, — которое причиняется ему другим человеком, иначе — речь идет об эксплуатации. Ее ядром, согласно Тишнеру, является *моральная эксплуатация труда*. Сущность последней заключается в том, что в отношении труда вкрадывается ложь, самая известная форма которой связана с несправедливой оплатой труда. Однако Тишнер выделяет еще одно важное выражение моральной эксплуатации труда — его *обесмысливание*, понятое как возникновение страданий в той ситуации, когда человек не знает, что и для чего он делает. Вернее, предназначение *труда для человека* претерпевает такое искажение, в результате которого сам человек оказывается частью процесса труда, смысл которого заключен и порождает исключительно в самом этом процессе, т. е. труда, лишенного смысла, — поскольку и насколько смысл является человеческим творением. Такое обесмысливание труда, согласно Тишнеру, направлено против самой доброй воли человека, насколько оно пренебрегает этой волей, а также унижает и предает ее¹⁶. Человек же, который терпит такую эксплуатацию, ставит под вопрос свое бытие человеком. В таком случае бунт против моральной эксплуатации труда — это фундаментальный долг совести. Такой бунт выводит на свет *достоинство человека*, которое было поставлено под вопрос силами моральной эксплуатации.

2. Сообщества совестливых и возможность политики

Подведем итог размышлений Ю. Тишнера о солидарности, так чтобы это позволило нам перейти к проблеме «мы», или *сообщества*, основанного на солидарности, *политики* как публичного действия и *университета* как публичного института, имея при этом в виду, конечно же, беларускую ситуацию.

Воссоздадим контекст, в котором возникает вопрос о солидарности. Люди охвачены страхом, источником которого является осознанное и неосознанное унижение, исходящее из самого пространства их жизни, совместной с другими людьми, т.е. прежде всего жизни труда и в труде. Пространство и отношения труда являются источником унижения потому, что труд лишен смысла, а вернее, оторван от самого процесса смыслообразования. Потому что придание смысла может быть осуществлено только этими же самыми трудящимися людьми, которые не просто работают, а осуществляют в процессе труда самоопределение, выбор, защищают и обсуждают с другими свои профессиональные интересы. Однако моральная эксплуатация труда в форме его обесмысливания дополняется унижением со стороны тех, кто охраняет эту сферу бессмысленности от просачивания в нее смысла.

Такая ситуация знакома нам, живущим на постсоветском пространстве, и в частности в Беларуси, с самого детства: столкновение с бессмысленными заданиями или абсурдной формой их осуществления, сопровождаемая повышением голоса, запугиванием и прямым насилием со стороны тех, кто отвечает за выполнение этих заданий. Если взять

только сферу сегодняшнего белорусского университета, то абсурдность охватывает все сферы жизни: от навязывания преподавания искусственных и даже преступных курсов до самого распорядка жизни в нем. Под распорядком я понимаю принуждение – например с помощью системы оплаты труда – преподавателей посвящать все свое время читаемым и разрабатываемым курсам. Даже если тематика этих курсов предлагается самим преподавателем, невозможно себе вообразить, чтобы такой курс был профессиональным, поскольку залогом профессионализма является, прежде всего, исследовательская работа, необходимыми составляющими которой выступают свободное время, современная литература, возможность обсуждать результаты исследований с коллегами и специалистами в соответствующих областях знания. Но самой важной составляющей является, пожалуй, сама *воля к самоопределению в своем деле*, или своей профессии, которая является одним из выражений центрального понятия размышлений о солидарности Тишнера, а именно, понятия достоинства человека.

В таком случае возникает вопрос: как возможна данная система непрофессионального университетского труда, в которую оказываются втянуты не только преподаватели, но и студенты, не знающие для чего, кроме как формального получения диплома, они учатся, и которая, в конечном итоге, имеет далеко идущие следствия – постановку под вопрос самого бытия человека, насколько таковое находит свое выражение в достоинстве человека?

Полагаю, что ядром ответа на этот вопрос является все та же моральная эксплуатация труда, которая не становится предметом осознания и обсуждения. Или большинство из нас бегут от этого осознания (обсуждение оставим пока в стороне), словами Тишнера, не хотят слышать голос совести, свидетельствующий о возможности сопротивления унижению? Свидетельством того, что осознание есть, является часто встречающаяся констатация своего униженного положения, оправдываемого существующим в Беларуси социальным положением дел в целом. При этом участник обсуждения находит единственный выход, правда, чаще для собеседника – бежать отсюда, уехать из Беларуси, вырваться за пределы этой обреченной ситуации. (Однако, оказавшись «там», жертвы чаще всего оказываются практически в такой же ситуации, только в новых условиях; потому что тому, кто несвободен в одном месте, невозможно обрести свободу в другом только в силу свободы самого этого места.) Тем самым каждый из говорящих замыкается в своей системе обесмысленных труда и жизни, как бы вытесняя из нее другого, потому что надежды нет ни на другого, ни на себя самого. Тишнер сказал бы, что *потеря надежды на солидарность* сплелась здесь с *нежеланием иметь совесть* и что решить эту проблему можно, только разрубив образовавшийся узел, т. е. с учетом сразу двух ее составляющих.

Что можно делать в такой ситуации выстроенных бастионов страха? Первое, с чего необходимо начать, это признать, что живущие на постсоветском пространстве, и в частности в Беларуси, являются, прежде всего, не сторонниками тоталитарного режима и советской

системы, а *жертвами этой системы*. Каждый день им внушается, что унижение — норма жизни, которую можно только принять и переварить, с которой невозможно расстаться, потому что ей нечего противопоставить. Последний тезис оправдывается тем, что те, кто унижение пережил, и так слишком слабы, чтобы справиться самим и тем более — помочь другому.

Второе, в силу отсутствия публичного пространства или политики в подлинном смысле, данное положение дел не становится предметом открытого обсуждения тех, кто начал освобождаться от унижения и готов протянуть руку тем, кто хотел бы покинуть свое укрытие страха. При этом, я полагаю, что кроме тех, кто сегодня у власти и откровенно унижает других, живущие в Беларуси уже являются потенциальными участниками такого диалога. Однако, как пишет об этом Тишнер, остается самое сложное — сделать первый шаг, освободиться от страха, бросить вызов ежедневному унижению. Для этого, согласно тому же Тишнеру, необходима надежда на то, что мое освобождение найдет поддержку в лице свободного или освобождающегося другого, т. е. надежда на солидарность и возможность иного сообщества, нежели общество унижения.

В таком случае, вопрос о *сообществе*, а вернее, сообществах, приобретает особую значимость в Беларуси. Под *сообществами* я понимаю формы того самого «пребывания среди людей», которые, различаясь профессиональной конкретизацией, едины в установке на свободное самоопределение как внутри сообщества, так и за его пределами. Как кажется, программа такого профессионального самоопределения, пусть и с некоторыми оговорками, реализовывалась в ЕГУ. Ее важнейшими составляющими были: участие преподавателей университета в определении его политики, уважительное отношение друг к другу и к студентам, формирование современной полилингвистичной библиотеки, сокращение аудиторной нагрузки с целью высвобождения времени для осуществления исследовательской деятельности и участия в международных обменах и стажировках, в целом — автономия университета. Тем самым труд преподавателей и учеба студентов приобретали *осмысленный характер*, выражением чего и стала *солидарность*, которую проявило и продолжает проявлять друг по отношению к другу пусть и не окрепшее *сообщество* ЕГУ, несмотря на крайне затрудненное положение — по причине разрушения самой институции — в сегодняшней Беларуси.

Именно усилиями такого рода сообществ, как мне кажется, в Беларуси удастся преодолеть тот рабский непрофессионализм, который господствует практически во всех сферах подконтрольной государству жизни и поддерживает ее аполитичность. *Солидарность* же должна выступать способом консолидации людей в такого рода сообщества в ситуации монополии на публичную сферу и освобождения от бессмысленного труда в государственных учреждениях.

Вместо резюме

Когда я решила перейти из БГУ (Белорусского государственного университета) в ЕГУ, поскольку не видела возможности для профессионального роста в рамках закрытого для критики и лишённого всякой автономии БГУ, мне пришлось не один раз услышать от своих коллег: а если ЕГУ закроют, что ты будешь делать? Это предостережение, как мне кажется, является выражением куда более далеко идущего предостережения, высказываемого куда как чаще: уезжай из Беларуси, ведь, что если прошлое настигнет ее и вернуться те времена, когда свобода напрямую оборачивалась смертью? Этим настроением пронизано сегодня все. Почему? Потому что прошлое все еще живет в нас в форме нашего страха, нашего унижения, в котором мы боимся признаться не только другим, но даже и самим себе, в форме отсутствия надежды, что другой поймет и не осудит мой страх. Все это свидетельствует о том, что мы все еще не пребываем в кругу друг друга и не делаем усилий стать теми *самими собой*, множество которых является условием возможности политики. Это значит, что причинение страдания одним человеком другому человеку будет только нарастать. И это, пожалуй, главное, о чем не стоит забывать.

Примечания

- ¹ Рорти Р. *Случайность, ирония, солидарность*. М., 1996. С. 21.
- ² Tischner J. *Ethik der Solidaritaet: Prinzip einer neuen Hoffnung*. Graz, Wien, Koeln 1982. S. 20.
- ³ Ср.: Рорти Р. *Случайность, ирония, солидарность*. С. 242.
- ⁴ Ср.: Арендт Х. *Vita activa, или О деятельной жизни*. СПб., 2000. С. 15.
- ⁵ Там же, с. 16.
- ⁶ Ср.: Нанси Ж.-Л. *Бытие единичное множественное*. Мн., 2004. С. 49, 63–64 и др.
- ⁷ Здесь я скорее склоняюсь к версии «университета» Х. Ортеги-и-Гассета, нежели К. Ясперса. Ср. тексты: Ясперс К. *Идея университета*//Топос, № 3. 2000. С. 8–25; Ортега-и-Гассет Х. *Миссия университета* (фрагмент книги) // <http://www.belintellectuals.com/projects/university/article.php?id=1>
- ⁸ Об этом см. мои специальные размышления о советском университете как в целом не университете: Шпарага О. *Идея университета в Беларуси – Европейский гуманитарный университет*//<http://www.nmn.by/articles/280604/univer.html>
- ⁹ Tischner J. *Ethik der Solidaritaet*. S. 10.
- ¹⁰ Ibid, S. 11.
- ¹¹ Ibid, S. 17.
- ¹² Ibid, S. 18.
- ¹³ Ibid, S. 20.
- ¹⁴ Ibid, S. 23.
- ¹⁵ Ibid.
- ¹⁶ Ibid, S. 41.